

**ОСНОВНАЯ ТАЙНА МЫШЛЕНИЯ, ИЛИ ЧТО ДЕЛАТЬ
В СИТУАЦИИ ЛИЧНОГО АПОКАЛИПСИСА
(поправки М. Мамардашвили к философии абсурда)**

П. Е. Вахренева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 марта 2016 г.

Аннотация: *статья посвящена главной технологии всех времен – технологии человеческого бытия, которая начинается с мысли. Автор объединяет их не только как две человеческие способности, но и как две, неразрывно связанные, самые крупные категории философии: бытия и сознания. Статья обращает внимание на постановку данной проблемы в наследии М. Мамардашвили, где мышление предстает как изобретенный человеком способ бытия, а не способность, автоматически истекающая из подсознания.*

Ключевые слова: *основная тайна мышления – наше существование как предмет мысли; мысль как первая форма бытия; мысль как «возможность мысли»; бытие личности как «снова рождение» личностных начал.*

Abstract: *the article is devoted to the main technology of all times – technology of human's being, which begins with a thought. The author combines not only two human's ability, but also two the biggest and closely related philosophical category: being and consciousness. The formulation of this problem in M. Mamardashvili's philosophical heritage is considered in the article. Thinking is presented there as the way of being, invented by a human, but not as the ability, which is resulted from the subconsciousness automatically.*

Key words: *main secret of thinking is our existence as an object of a thought; thought as the first form of being; thought as «the possibility of a thought»; human's being as «the birth again» of personal properties.*

Жизнь как тигр, выскочивший из клетки, и человек
всегда должен быть готов к встрече с этим тигром.

Гиренок Ф. И. Картография дословности

Продолжая поиск первоначал социальной жизни, начатый отечественной философией Серебряного века [1–2], М. Мамардашвили углубляет его до предела и ставит вопросы: как возможна другая жизнь внутри текущей жизни? Почему есть нечто, а ни ничто? И кто в ответе за «полноту» бытия? Отвечая на них в работе-завещании «Эстетика мышления», он оказывается одновременно и перед вопросами мировой философии: почему бытие стало убывать, как историческое пространство наполнилось вдруг симулякрами человеческого существования? И кто в ответе за «действующее нечто»? В результате и у нас и на Западе возникает вопрос, как появляются и где взять новые исторические формы человеческого бытия? Так встает проблема исторического переопределения человеческого существования через философию как универсальную

технологии человекоосозидания, объединяющую все способы человеческого бытия.

Невзирая на кризисы, автор формулирует главную творческую цель: личность как начало бытия, – выходя тем самым прямо к личностному бытию, поскольку убежден, что у бытия нет других начал, кроме самобытия, определяя его (самобытие) как «точку творения бытия».

Думается, что глубина выводов обусловлена не только самостоянием, философа, не только тем, что он осмелился замкнуть задачу продолжения бытия на себя, чтобы в очередной раз взвесить вероятность исторических возможностей человека, но и объемом выполненной работы, в ходе которой был проведен беспримерный анализ философских направлений за два с половиной тысячелетия сразу. Исправляя множественные аберрации исторической мысли, он как скрижали Моисеевы, укладывает рельсы новой философии третьего тысячелетия, готовой к переопределению бытия и показывающей, как возможно вытеснение области несуществования уже в самом его начале, на индивидуальном уровне. Главный пафос этой философии: континент личностного самостояния, который объединен полями сознания и освещен солнцестоянием смыслов.

Ценность подхода еще и в том, что он открыт как в перспективу, так и в ретроспективу, которая, не отменяя сделанного в истории, обнаруживает, что вся предшествующая философия была занята лишь «трагическим весельем некоторых обстоятельств, которые пытались стать человечеством» [3, с. 57]. Уловив случайный характер социальности, он проникается мыслью о том, что философия должна быть наукой о том, каким образом человек случается, где защитой от распада действующих структур должно стать понимание.

Корректируя аберрации всей предшествующей мировой философии, М. Мамардашвили возвращает нас к началам технологии сознания, работая при этом с самыми крупными формами философии, когда-либо существовавшими: «бытие» и «сознание». Поэтому прислушаемся!

«Человек всегда оказывается включенным в *тайну нерешенности человеческого существования*, поскольку никогда не дан в полноте своего существования и не все может реализовать, не всегда обладает необходимыми способностями» [4, с. 208]. Уже поэтому, думается, мы всегда должны помнить о сохранении, развитии и воспроизводстве *главной технологии всех времен* – технологии бытия, которая начинается с мысли. Потому что в противном случае нас ожидает власть хаоса или просто безмыслие.

Обратим внимание, что мышление во всем наследии М. Мамардашвили тоже изобретенный метод бытия, а не способность, автоматически истекающая из подсознания, как иногда считается в западной философии [5, с. 56]. Именно мысль есть метод, с которого начинается наша человеческая способность – быть. Нас не должно останавливать и то, что наша способность мышления и наша способность быть определяются друг через друга. Методы в философии всегда упакованы как матрешки в матрешке, друг в друга. И пока «таблица Менделеева» «единой ме-

тодологии бытия» не составлена, задача методов приходиться на помощь друг другу внутри текущей жизни. Ведь для этого они и изобретались человеком. И форма – уже существует. Во всех грамотных, по крайней мере, отечественных учебниках по философии она так и называется – «Онтология бытия». И работает вполне исправно, в соответствии с законами чистых форм, генерируя новые формы и методы осмысленного человеческого существования.

«В решении жизненных проблем, – поясняет Мамардашвили эту ситуацию, – мы всегда как на свидании, вы и умны и любите, а решимости не хватило. И человек непрерывно оказывается в ситуации таких недоразумений, когда он вынужден оценивать, сравнивать и *производить нечто*, не входящее в содержание задачи» [4, с. 209]. В данной ситуации *решимость должна быть произведена*, чтобы она стала тем, что позволит снова надеяться на успех на свидании – на осуществление надежд, рожденных ожиданием настоящей любви. Поэтому здесь всё зависит от участия, которое включает «*инородный элемент задачи*», связанный с нашим индивидуальным существованием.

«Именно это участие, требующее индивидуальной включенности в обстоятельства и события нашей жизни, в которых нам представлен *предмет мысли – существование*, и называется в философии *тайной мышления*, – расшифровывает для читателя автор, – потому что никакая теория его не включает. – Мы не можем вынуть существование, отделить его от предмета и логически решить задачу» [там же]. Стоит заметить, что существование, т.е. то, что определено сущностными началами, и есть этот дополнительный элемент для мысли. Хотя он и не указывает на средства. – Витгенштейн в этой ситуации, как бы оправдывается, поясняя, что «в поле глаза тоже нет ничего, что указывало бы на глаза» [5, с. 89]. Но, так или иначе, а жить каждому приходится своим умом.

То же самое относится и к *смыслу*, который из содержания опыта не производится и не вытекает. И всего мира и опыта бывает недостаточно, чтобы он родился. Поэтому человек и вынужден выходить в мир *всегда лично*, чтобы его жизнь начала меняться. Сам М. Мамардашвили значимость исторической включенности существования лица поясняет так: «Проблема кажимости действительности в истории философии раскрыта уже в метафоре платоновской пещеры. Только можно потерять сто лет, чтобы обнаружить, что выход из пещеры человеческой жизни есть, но мы все в пещере самих себя, если не делаем то, что нужно, и не мыслим...» [4, с. 210].

Мышление и есть различие между кажущимся миром и тем, что есть на самом деле. То есть мышление – это такое состояние бытия, в котором «видение видит себя». Но мыслить можно, и нужно только действующее бытие – реальность, иначе – «ад, животный страх и страдание, вечное умирание без смерти». Именно поэтому у Мамардашвили *бытие начинается с мысли*. И здесь он категоричен: «Там, где нет мысли, там нет и бытия. Ибо, *мысль и есть первая форма человеческого бытия*» [там же, с. 211].

Проблема измены, предательства – это ситуация «неисправимости» – «апокалипсическая ситуация, которую можно исправить только с помощью атомной бомбы, – продолжает автор, – где обстоятельства владеют тобой, как сицилийская мафия, – за какую нитку не потяни» [там же]. Выход один – соединиться с собственным опытом высших начал, вернуться к началу, а не продолжать ад (бег по кругу), не добавлять, не суммировать ошибки, а исправлять всё сначала.

В культурах это возвращение к началу из-за того, что один опыт не соединяется с другим (одна информация с другой) зафиксирован в мифологии. В Индии – в теории переселения душ, в Японии – в обычае остракизма, в Египте – в правилах захоронения (лодка Харона). И у Данте, если душа не способна повторить опыт человеческий, она обречена на животные страдания. И в русской философии у Л. Шестова: человек всегда у начала. Потому что мысль – есть то, чему мы научились. И она есть только там, где мы продолжаем учиться.

В мысли нет ничего автоматического. Всё – через различение себя и своего человеческого существования, реальности и кажимости. В этом смысле *человек есть непрерывное трансцендирование себя*, способность снова и снова выходить за свои биологические пределы туда, где начинается человеческое «я», в отличие от животного. Этот выход из наличности в социальность можно выразить как вертикаль «я» + «я», но необходимо помнить, что это каждый раз не сложение, а *выход в новое качество бытия*, через размышление и примышление.

Это на самом деле похоже на волшебство! Всё, что мы примыслили, затем становится действительностью! И всё, что есть в нашей устроенной жизни: города, дороги, университеты, любовь, компьютерные технологии, – всё появилось по примышлению! – Мистика? – Нет, философия говорит, – трансцендирование бытия. – Метод, определяющий единственно возможный порядок человеческой жизни, согласно которому, сначала – человеческая мысль, потом – ее осуществление человеком.

У Мамардашвили находим: «Трансцендирование – это не только свет, освещающий сам себя, но и всегда отказ от себя, не мыслящего, в пользу существования, в котором и различаются тождественное и нетождественное “я”, кажимость и реальность, где второе “я”, можно увидеть, только отказавшись от первого “я”, то есть от самих себя» [там же, с. 212].

«Мысль, добро, совесть, это – неприродные элементы мышления, определяющие горизонт нашего существования. Они, как соль, которую нельзя посолить. – Они противовес ситуации кажимости мира, в котором всё уже поздно. Но уже по Канту – нужны, чтобы представления не играли нами» [там же, с. 218].

Нельзя забывать, что и Платон представлял человеческий путь как путь спасения и освобождения от игры иллюзий человеком. Поэтому М. Мамардашвили подтверждает онтологическую правоту Платона и его мысли: «Оказаться человеком означает прекратить эту игру иллюзий – теней, чтобы тобой не играл другой мир» [там же, с. 219].

Вырваться из «пещеры» можно, если есть неприродные элементы, явленные на уровне способности мыслить, поступать, требовать. Но без них нет ни существования, ни осмысления жизни, ни социальной, потому что социум – это ведь не просто скопление любых биологических особей, как считает, например, Джойс. Россия сразу называла такие скопления другими словами: стадо, стая, популяция, вид, потому что в России зима девять месяцев, и уже этот простой факт сразу обнаруживал безмыслие и отсеивал. Русская философия всегда знала, что человеческое бытие начинается с мысли. И проблема идентификации мышления стояла, в основном, в области строго научного знания, где необходимо было выйти на новый уровень понимания [1, с. 10; 5, с. 103; 6, с. 38].

Россия всегда знала, что жизнь человека вне сознания – только животная жизнь. И эта тайна единства мысли и ее носителя, и историческая незаданность того и другого – одна из исторических поправок М. Мамардашвили к возникшим абберациям в мировой философии.

Развивая далее свою мысль, автор показывает, что спасением от личного апокалипсиса и ситуации абсурда всегда выступает именно мысль, как первая форма бытия [4, с. 281]. Но есть одно но! – Для того чтобы мысль спасала, она должна сразу выступать не просто как отражение, но и как действие. И это обстоятельство заставляет его снова и снова уточнять историческое назначение мысли в структуре личности. Ибо, чтобы из любого абсурда был выход, и у мысли и у действия должен быть носитель, и кто-то за них должен отвечать, следить, чтобы эти важнейшие способы бытия сохраняли свой рождающий характер. – Так возникает потрясающая идея резонанса мысли и личности.

Чтобы не возникало разночтений, сразу уточним, что сам термин «апокалипсис» уже в предшествующих исторических формах мышления был введен и понимался как коллапс – свертывание личностных начал.

Думается, стоит согласиться с тем, что такое понимание термина «апокалипсис» в период возникновения Христианства достаточно точно отражало угрозу человечности, возникавшую в случае отказа от трудной индивидуальной работы по формированию человеческих качеств, которую задавало Христианство. А кроме того, требовало непрерывной заботы о воспроизводстве социальных начал уже на уровне индивида, как историческая, изобретенная человеком, технология человекоосозидания. Потому что если ты остановился, то тебя ждет «конец, совсем конец» твоей человечности, твоего счастья, твоей судьбы, – во все времена – это и есть начало абсурда. – Отсюда – надвременной, вечный смысл термина «апокалипсис», навсегда вобравшего опасность распада социальности. Чтобы человек и сегодня помнил, даже если он просто переходит дорогу, что его личный апокалипсис всегда следует за ним. Это значит, что никто за тебя состояться не может. – Твое время! – Ты должен! – Твоя очередь! Третьего не дано! – Ибо полумысль – не мысль, полулюбовь – не любовь, как полчеловека – не человек. Третье и есть абсурд.

Более поздняя трактовка термина «апокалипсис», связанная с концом Вселенной, представляет поверхностное, «вульгарное» понимание самого назначения этого понятия, на фоне которого первичный смысл куда более значим. Но вернемся к технологии Мамардашвили.

Поскольку сознание и мысль не заданы, в их рассмотрении автор, как всегда, возвращается к началу. – Туда, где *снова нужно решить вопрос, «быть или не быть»*, иначе – не просто абсурд, но апокалипсис как предельное следствие абсурда. Поэтому движение, в противоположном от апокалипсиса направлении – бытия, начинается у него всегда с мысли. Н. П. Бехтерева по этому поводу в одном из интервью как-то заметила, что, возможно, сознание не первая форма бытия в истории человечества, что связи как бы первичнее, ибо сознание – уже связь. Но, отстаивая приоритет сознательного бытия, Мамардашвили непреклонен, – любая человеческая связь должна пройти через осмысление, т.е. должна пройти через человеческую способность мысли, иначе эта связь – не человеческая. Итак, какой должна быть мысль, спасающая от апокалипсиса?

Под мыслью обычно понимается *ментальное состояние*, фиксирующее определенное отражение реальности, которое получается благодаря шагам рассудка. Но «метафизика невозможной возможности», т.е. движения мысли, Мамардашвили идет глубже. – Его с самого начала интересует не только то, что есть мысль, но и *как она появляется? Как отличить мысль, способную освещать сознанием движение жизни, от симулякров мышления?* Поэтому стоит прислушаться к уточнению: «Мысль – это не только состояние, но и *действие*, благодаря которому у нас появляется *возможность что-то создать помимо – больше – отражения*. Ибо, чтобы что-то увидеть, узнать, человек должен *внести порядок*, какие-то абсолютные моменты в терминах вечности, которые позволили бы найти точку отсчета. Так вот, *это упорядочивающее движение и есть мысль как действие*» [4, с. 281]. Для нас это означает одно: порядок в пространстве социальной жизни между мной и абсолютом – чистой формой – вносит мыслящий человек.

Внимание застывает перед вопросом: как это действие происходит? – «Дело в том, – поясняет автор, – что этот порядок возможен, если соотносится с неделимым состоянием, охватывающим разные точки пространства и времени. И если мысль в этом пространстве состоялась, то она всегда есть возможность большей мысли. Но разрушаемое в одной точке разрушает всё остальное» [там же, с. 282]. – Это, как нам видится, сразу понятно, потому что мысль здесь – живая система. – То есть налицо грамотный органический подход автора, сохраняющий живыми рождающие формы мышления и предполагающий их взаимодействие в пространстве вечных ценностей – чистых форм. – Где «вечно то, что не сменяется во времени, и указывает не на предметы, а на акты и состояния человека, где и сам человек есть акт, а не предмет, и не вещь. – И лицо, и сознание, и личность, – это не вещь, а акт, – уточняет Мамардашвили, – и в них непременно есть свойство вечности, если они несут состояние человечности» [там же].

Почему нам важно это помнить? – Потому что именно из состояния сознания рождается возможность большего сознания. Здесь, в *точках присутствия мысли* всегда выступают и *живые способы человеческого бытия* – звук, чувство, слово, действие, определяющие ядро личности и сущностное ее продолжение, – *состояния мысли, состояния духа*. Всё это существует как собственное явление, как рождение *первоактов* и *человеческих первоначал*, как возможность «*снова рождения*» личности.

«Как результат *продуктивного состояния*, в этот момент, в ходе упорядочения восприятий, кристаллом непременно выпадает *необходимый образ возможного* продолжения сознательной жизни. – *Это первый шаг*. *Второй шаг* – это возможность существования в исполнении того, что родилось в первый раз и существует как “возможность возможности”. Мысль здесь есть *возможность мысли* и создание возможности того, что резонансное “снова рождение” личностных начал может случиться» [4, с. 282]. Где случайность – это и есть соединение чаяний и их стояние в личности. То есть опять мы видим очень грамотную органику на уровне духа и узнаем в ней глубинную традицию отечественной философии [1; 6].

Стихи, литературу мы ценим именно за это, что мысли, чувства, переживания снова могут случиться, как в первый раз. Как «Философия Платона», как «Трагедии Шекспира», как «Симфония Шостаковича» существуют и как бы вновь рождаются в момент исполнения, возрождая переживание их в нашей жизни, так и *мысль существует только в момент исполнения, заряженного возможностью новой мысли*, т.е. тем движением приведения чего-то в порядок, после которого снова возможно отражение. Потому у Мамардашвили – «невидимое только тогда определено точно, когда есть возможность продолжения» [4, с. 282]. – Это и есть органика мышления, предполагающая *рождение новых рождающих форм*. Не случайно современная научная картина мира фиксирует ее, как основной признак живых систем. Не потому ли и под движением личности мы всегда понимаем смену состояний, в результате которых появляются герои мысли, действий, живописи, поэзии, искусства, которым человечество во все времена не забывало воздвигнуть памятники. Ибо память тоже не гарантируется никакой генетикой и изначально искусственна.

Поэтому мы всегда должны помнить, если позади нас чего-то нет, то и у нас этого нет. То есть сначала что-то случается, делается, возникает резонанс элементов, затем возникает какое-то личностное начало, позволяющее видимость превратить в истину. Вывод Мамардашвили поражает объемной надвременной вместимостью, точностью содержания и его цельностью. Вот он: «Мысль обладает способностью владеть пространством сознания и протяженностью. А это значит, что в мыслях, чувствах и представлениях, мы рождаемся в пространстве, которое изначально строится, как пространство сознания. Где пространство личности невозможно без предварительного построения пространства сверх личного, в котором и осуществляется самонаращивание внутри себя» [там же, с. 283].

И это значит, что, если нет элементов сознания, нет и резонанса этих элементов, нет и личности. – Всё на первый взгляд убедительно, просто и лаконично, но одновременно и сложно, как в квантовой механике. Ибо всё исторично, т.е. возникает при определенных условиях и к тому же может потерять актуальность. Новые мысли, состояния, чувства не зависят просто от генетики, способностей, психики человека, их возможность не определена и внешними обстоятельствами, но всегда связана с историческим устройством бытия.

Именно поэтому Мамардашвили вводит термин «*социального пространства*», чтобы подчеркнуть, что сначала существует некое внутреннее освещение пространства сознания, выводимое только из структурных элементов этого сознания, а не из предметных качеств, не из натуральных вещей. Где чувства возникают не потому, что у человека определенная психофизическая организация и он испытывает соответствующие чувства, а потому, что есть потенциальное структурированное пространство культуры, произведения культуры, сформировавшие наше сознание. Нас же интересуют их структура, элементы этой структуры и почему сцепление этих элементов рождает резонанс мысли и личности. Поскольку получается, что истина – это сначала только стихия полей сознания, если нет личностного резонанса. А как же с резонансом?

Ищем пояснение, и вот оно: «Состояния, являющиеся возможностью других состояний, и есть изначальная истина, из которой и дана актуальная бесконечность других истин. Причем не завершенных предметов, а актуальная бесконечность смыслов и форм. Где *вечность всегда дана на уровне личного переживания*» [там же, с. 285]. – Как видим, в единый узел завязаны: состояния индивидуального сознания, вместе с их носителем, их потенциальность, вся культура сознания, спрессованная в актуальную бесконечность смыслов и форм. И все это погружено в поле переживания. Чтобы понять это, нужно остановиться и дать себе отчет в том, что мы переживаем. Поскольку сама истина – всегда абсолютна. Относительными бывают только знаково-логические построения. А изначальная истина абсолютна и ни на чем не держится.

«Что же это за состояния без оснований? – Это – сотворенная действительность, уговорить которую невозможно, ибо каждый идет к истине из своего далека» [7, с. 123].

Если учесть, что привилегированных точек в бытии после Эйнштейна не осталось, становится ясно, почему не существует царского пути и в мысли. Поэтому и в бытии – у каждого свой путь. Нет точек, в которых бы мы что-то уже имели, не вложив собственную страсть, не придя в движение, не пройдя риска собственного существования и не вложив собственного труда. Ничто не избавляет нас от необходимости страдать, любить, ненавидеть и только из испытаний выносить какую либо истину. Но то, что находится позади нас и вызывает подобные чувства и мысли, принадлежит всем и составляет культуру. Оно неделимо, вечно, потому что явления существуют только исполняясь. Даже то, что есть, должно каж-

дый раз рождаться заново: общество, нравственность, сознание, честь и человеческое достоинство.

«В определенном смысле в области духа – ничего нет. И нельзя поделить то, чего нет, – пишет Мамардашвили, – и это, находящееся позади нас, подчиняясь закону *вновь рождаемости*, тоже не существует как вещь. Оно существует только в акте. Как собственное явление. Когда я читаю книгу, – тогда она существует. И культура доступна только тем, кто, во-первых, двинулся на собственный страх и риск. Во-вторых, культуру нельзя распределить поровну. Потому что личность существует, исполняясь, т.е. когда культура рождается заново – в терминах вечности и актуально в ней» [4, с. 286]. – Максимализм невероятный. Но не принять его нельзя, потому что он родился из предельной исторической правды о человеке. Она состоит в том, что наши переживания, наше место и призвание состоят в том, что это мы завязываем историю актами самостояния. Потому что сама по себе история не существует без нас. Мы завязываем и развязываем ее узлы, входя в *«неделимое стихийное движение истины»*, где культура рождается заново, завязывая актом всё, что было до нас.

На основе этого акта включенности мы и определяем, к какой истории принадлежим, что продолжаем, с чем находимся в преемственности, поскольку автоматического продолжения нет. И именно внутри таких актов и существует связь со всем сущим. В них – «живая точка самого акта связывает совершающего этот акт со всем живым» [там же]. – А живо то, что потенцировалось и имело потенциальные возможности в пространстве сознания. – Живые акты восприятия, живая мысль – живы, если обрели потенцию в некоторой бытийной протяженности нашего сознания. Мы испытываем эту связь с живым всегда в пограничной ситуации, требующей действия, продолжающего жизнь. Испытываем всегда, когда оказываемся в очередной раз перед невозможностью возможного, когда наши праведные чувства оказываются неуместны, например в ситуации радикального остракизма, когда мы в очередной раз оказываемся чужими в этой жизни.

Какими-то актами мы завязываем ту или иную историю, неразрешимость проблем сознания, несущих какое-то страдание. – Это «сознание – страдание» – неразрешенное сознание, которое выталкивается эмпирическим миром, – и есть *место, где завязывается существование*, – поясняет последнюю правду автор. Если оно не уместно, возникает разрыв цепи и ее носителя. – Это и есть возможная невозможность самого себя. Типичная ситуация невозможности – это, когда и необходимо, и невозможно. – Как в романе-утопии Музиля «Человек без свойств», где нет завязок, отчего все свойства соединяются так, что любую ситуацию превращают в абсурд. «Сознание – страдание» видит это и стоит перед сцеплением. Оно и есть ядро, начало мысли, ее последующей возможности. Если этого состояния мышления не было, не будет и последствий.

Начало мысли – в личном сознании, когда я сознаю свою конечность в условиях абсурда и выброшенности из мира. И тогда начинается свой

путь, состоящий из необратимого сцепления событий. На всех дорогах можно голову потерять, но это не конец, если ты мыслишь.

Итак, мысль рождается из конечности ситуации, в ситуации личного апокалипсиса, где «нет времени», оно для тебя кончилось, потому что ты «выброшен из мира». – «В этом психологическом компоте, перед вопросом: неужели я должен кончиться и не будет “возможной невозможности”, и рождается мысль. – Это и есть осознание хрупкости существования, в ситуации близости твоего апокалипсиса» [4, с. 292].

Но именно в эти моменты «проглядывает вечность в нашу жизнь, или мы в эту вечность заглядываем, “пробуждаясь”, – замечает автор, – завязывая свои мечты с пространством мысли во имя “невозможной возможности самого себя”, – другое наше назначение. Это и есть «метафизика невозможной возможности» М. Мамардашвили, замкнувшая все проблемные поля мышления своего времени на себя и пришедшая на помощь «философии абсурда».

Литература

1. Вахренева П. Е. Проблема развития человека в русской философии XIX–XX веков / П. Е. Вахренева. – М. : Изд-во МГУ, 2004. – 211 с.
2. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. / В. В. Зеньковский. – Л., 1999. – 300 с.
3. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. – М., 1992. – 157 с.
4. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления / М. К. Мамардашвили // Философские чтения. – СПб. : Азбука-классика, 2002. – 832 с.
5. Кризис сознания : сборник переводных работ по «философии кризиса». – М. : Алгоритм, 2009. – 272 с. – (Философский бестселлер).
6. Вахренева П. Е. Культура индивидуального существования в Русской философии Серебряного века / П. Е. Вахренева. – М. : Моск. гос. ун-т, 2005. – 350 с.
7. Мамардашвили М. К. Необходимость себя / М. К. Мамардашвили // Лекции. Статьи. Философские заметки / под общ. ред. Ю. П. Сенокосова. – М. : Лабиринт, 1996. – 432 с.